

Толерантность к социальным неравенствам в эпоху неопределенности в России: важна ли субъективная мобильность?

Mareeva, Svetlana V.; Slobodenyuk, Ekaterina D.; Anikin, Vasily A.

Veröffentlichungsversion / Published Version

Zeitschriftenartikel / journal article

Empfohlene Zitierung / Suggested Citation:

Mareeva, S. V., Slobodenyuk, E. D., & Anikin, V. A. (2022). Толерантность к социальным неравенствам в эпоху неопределенности в России: важна ли субъективная мобильность? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, 1, 9-60. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1982>

Nutzungsbedingungen:

Dieser Text wird unter einer CC BY-NC-SA Lizenz (Namensnennung-Nicht-kommerziell-Weitergabe unter gleichen Bedingungen) zur Verfügung gestellt. Nähere Auskünfte zu den CC-Lizenzen finden Sie hier:

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/deed.de>

Terms of use:

This document is made available under a CC BY-NC-SA Licence (Attribution-NonCommercial-ShareAlike). For more information see:

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0>

DOI: [10.14515/monitoring.2022.1.1982](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1982)

С. В. Мареева, Е. Д. Слободенюк, В. А. Аникин

ТОЛЕРАНТНОСТЬ К СОЦИАЛЬНЫМ НЕРАВЕНСТВАМ В ЭПОХУ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РОССИИ: ВАЖНА ЛИ СУБЪЕКТИВНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ?

Правильная ссылка на статью:

Мареева С. В., Слободенюк Е. Д., Аникин В. А. Толерантность к социальным неравенствам в эпоху неопределенности в России: важна ли субъективная мобильность? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 1. С. 39—60. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1982>.

For citation:

Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D., Anikin V. A. (2022) Public Tolerance for Social Inequalities in Turbulent Russia: Reassessing the Role of Subjective Mobility. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 39–60. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1982>. (In Russ.)

ТОЛЕРАНТНОСТЬ К СОЦИАЛЬНЫМ НЕРАВЕНСТВАМ В ЭПОХУ НЕОПРЕ- ДЕЛЕННОСТИ В РОССИИ: ВАЖНА ЛИ СУБЪЕКТИВНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ?

МАРЕЕВА Светлана Владимировна — кандидат социологических наук, заведующий Центром стратификационных исследований Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: s.mareeva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2057-8518>

СЛОБОДЕНЮК Екатерина Дмитриевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра стратификационных исследований Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: eslobodenyuk@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4255-5050>

АНИКИН Василий Александрович — кандидат экономических наук, PhD, старший научный сотрудник Центра стратификационных исследований Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: vanikin@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2316-4628>

Аннотация. В статье на данных общероссийских репрезентативных исследований, проведенных в рамках международной программы ISSP в 1992—2019 гг., а также исследования ФНИСЦ РАН 2020 г. рассматривается восприятие социального неравенства населением, его динамика и роль

PUBLIC TOLERANCE FOR SOCIAL INE- QUALITIES IN TURBULENT RUSSIA: RE- ASSESSING THE ROLE OF SUBJECTIVE MOBILITY

*Svetlana V. MAREEVA*¹ — *Cand. Sci. (Soc.)*, Director of the Centre for Stratification Studies, Institute for Social Policy
E-MAIL: s.mareeva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2057-8518>

*Ekaterina D. SLOBODENYUK*¹ — *Cand. Sci. (Soc.)*, Senior Researcher at the Centre for Stratification Studies, Institute for Social Policy
E-MAIL: eslobodenyuk@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4255-5050>

*Vasily A. ANIKIN*¹ — *Cand. Sci. (Econ.)*, PhD, Senior Researcher at the Centre for Stratification Studies, Institute for Social Policy
E-MAIL: vanikin@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2316-4628>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. Based on the data of all-Russian representative studies conducted within the framework of the international ISSP program in 1992–2019, as well as the 2020 study of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, the article examines the perception of social inequality by the

социальной мобильности как фактора его дифференциации. Показано, что по восприятию доходного неравенства ситуация остается схожей с картиной, характерной еще для 1990-х годов — совсем другого этапа развития страны. Подавляющее большинство россиян и сегодня считают неравенство доходов излишне высоким и несправедливым. Такие представления и связанный с ними высокий запрос на перераспределение не различаются в разных социально-демографических и социально-экономических группах. Опыт социальной мобильности также не приводит к значимой дифференциации в этом отношении; слабым влиянием характеризуется и ожидаемая мобильность в среднесрочной перспективе. Относительно заметно «работают» в этом отношении только краткосрочные ожидания: если они позитивны, то снижают негативное восприятие доходного неравенства и запрос на перераспределение. Что касается восприятия немонетарных неравенств, то нормативные представления о том, минимизация каких из них необходима для достижения социальной справедливости, оказываются схожими в группах с разным направлением ожидаемой или уже совершенной мобильности. Это позволяет сделать вывод о том, что восприятие и монетарного, и немонетарных неравенств, как и запросы на их сокращение, формируются в большей степени исходя из нормативных представлений о «должном» устройстве общества и оценки его соответствия наблюдаемой реальности, чем из особенностей индивидуальной ситуации, в том числе и ожидаемой или фактической мобильности.

population, its dynamics, and the role of social mobility as a factor in its differentiation. The authors show that, in terms of the perception of income inequality by the population, the situation resembles the one seen in the 1990s, during a completely different stage of the country's development. The overwhelming majority of Russians today consider income inequality to be unnecessarily high and unfair. Such perceptions and the associated high demand for redistribution do not differ across socio-demographic and socio-economic groups. The experience of social mobility also does not lead to significant differentiation in this respect, and the expected mobility in the medium term is characterized by a weak influence. Only short-term expectations work relatively noticeably in this regard: if they are positive, they reduce the negative perception of income inequality and the demand for redistribution. As for the perception of non-monetary inequalities, normative ideas about their minimization aimed at achieving social justice turn out to be similar in groups with different directions of expected or already completed mobility. Thereby, the perception of both monetary and non-monetary inequalities, as well as requests for their reduction, are formed to a greater extent on the basis of normative ideas about the “proper” structure of society and an assessment of its compliance with the observed reality than on the characteristics of an individual situation, including expected or actual mobility.

Ключевые слова: неравенство доходов, немонетарные неравенства, субъективное восприятие неравенства, социальная мобильность, уровень жизни

Keywords: income inequality, non-monetary inequality, perception of inequality, social mobility, living standards

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-928).

Acknowledgments. The study was carried out within a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Grant Agreement No.: 075-15-2020-928).

Введение

В данной статье мы анализируем восприятие неравенства в современном российском обществе и его дифференциацию в группах с разными траекториями социальной мобильности. Неравенство остается ключевым вызовом социально-экономического развития для мира в целом и для отдельных стран, в том числе и для России. Основное внимание в последние годы уделяется его монетарному измерению, однако все чаще отмечается, что неравенство не может быть сведено к различиям в доходах — со временем большее значение приобретают немонетарные измерения, а также субъективное восприятие неравенства населением.

Рассмотрение социальной мобильности обогащает анализ проблемы неравенства, так как перемещение людей между позициями способно не только сгладить или усугубить сами неравенства, но и повлиять на их восприятие [Shorrocks, 1978]¹. Гипотезы о зависимости между социальной мобильностью, с одной стороны, и толерантностью общества к неравенствам и запросу на перераспределение — с другой, выдвинутые в научной литературе, предполагают, что наблюдаемая социальная мобильность в обществе и ожидания относительно будущей восходящей мобильности для себя или своих детей повышают толерантность к неравенствам. Эти гипотезы неоднократно тестировались в литературе; проводилась их проверка и для России в 1990-х годах [Ravallion, Lokshin, 2000], однако с тех пор социально-экономические реалии в стране качественно трансформировались, и вопрос о взаимосвязи социальной мобильности и восприятия неравенства вновь открыт.

В данной работе мы обращаемся к вопросу о том, *влияет ли и сегодня социальная мобильность (как испытанная, так и ожидаемая) на восприятие неравенства в России*. Для ответа на этот вопрос мы рассматриваем общий контекст и анализируем восприятие монетарного неравенства населением и его динамику (с точки зрения его масштаба, степени справедливости и запроса на перераспределение), показываем сравнительное положение страны в этом отношении на мировом фоне, а также оцениваем степень дифференциации восприятия монетарного неравенства населением в разных социальных группах, в том числе различаю-

¹ См. также: OECD (2018) A Broken Social Elevator? How to Promote Social Mobility. <https://www.oecd-ilibrary.org/content/publication/9789264301085-en> (дата обращения 18.05.2021).

щихся своим опытом мобильности и ожиданиями будущих изменений. Затем мы расширяем поле нашего анализа за счет включения в рассмотрение немонетарных неравенств и анализа социальной мобильности как фактора, дифференцирующего отношение к ним (с точки зрения их фактической болезненности для россиян, а также восприятия необходимости их сокращения в рамках нормативной модели желаемого общественного устройства). Это позволяет нам получить более полную и многомерную картину сложного явления субъективно воспринимаемого неравенства.

Эмпирической базой нашего исследования выступают данные четырех волн российского массива исследования ISSP²: 1992 г. (1944 респондентов), 1999 г. (1705 респондентов), 2009 г. (1603 респондентов) и 2019 г. (1626 респондентов). Именно в эти годы проводились тематические волны, посвященные проблематике восприятия неравенства. Для анализа отражения немонетарных неравенств в общественном сознании мы обращаемся к данным общероссийского репрезентативного обследования ФНИСЦ РАН, проведенного в 2020 г. (2000 респондентов)³.

Восприятие неравенства и социальная мобильность: опыт предыдущих исследований

Исследования, посвященные субъективному восприятию неравенства, сходятся в том, что население обычно неверно оценивает и уровень неравенства в стране, и свое положение в доходной иерархии (подробный обзор и оценку смещений для России см. у [Гимпельсон, Чернина, 2020]). Однако запрос на сокращение неравенства оказывается связан в первую очередь именно с субъективной оценкой неравенства, а не его фактической глубиной [Gimpelson, Treisman, 2018]. Очевидно также, что существуют и другие факторы, влияющие на восприятие неравенства и запрос на перераспределение, в число которых входит социальная мобильность.

Одна из ключевых гипотез о влиянии социальной мобильности на отношение к неравенству была выдвинута А. Хиршманом. Он предположил, что толерантность к неравенствам будет выше, если население наблюдает социальную мобильность в обществе, даже если она пока не затрагивает их лично [Hirschman, Rothschild, 1973]⁴. Вторая известная гипотеза, связанная с мобильностью, которая также проверялась и была частично подтверждена путем экономического моделирования [Venabou, Ok, 2001], предполагает более низкий запрос на перераспределение среди тех, кто ожидает, что их дети (или они сами, как было показано в более поздних работах) в будущем будут иметь доходы выше средних.

² ISSP — Международная Программа Социальных Исследований (International Social Survey Programme) — международное ежегодное мониторинговое исследование по важным для социальных наук вопросам. URL: <http://issp.org>.

³ Общероссийское репрезентативное обследование было проведено осенью 2020 г. Модель выборки предполагала квоты по типам поселений, полу, возрасту и социально-профессиональной принадлежности рамках каждого территориально-экономического района. Авторы выражают благодарность руководству ФНИСЦ РАН за возможность использовать данные исследования.

⁴ Говоря о толерантности к неравенствам в быстро развивающихся странах, Хиршман проводил аналогию с машинами, застрявшими в транспортной пробке в туннеле. Если вторая полоса начинает движение, то те, кто стоит в первой полосе, воспринимают это как обнадеживающий сигнал о том, что и им вскоре предстоит сдвинуться с места. Если же этого не происходит, то движение соседней полосы начинает восприниматься как следствие нарушения правил и нечестной игры и приводит к недовольству. Эта гипотеза получила название «туннельного эффекта».

Эмпирические работы, проверяющие наличие взаимосвязи между отношением к неравенствам и социальной мобильностью, тестируют ее различные типы: меж- и внутригенерационную, фактическую и ожидаемую, общие представления населения о мобильности в обществе — ее масштабах, специфике и факторах. Варьируются и замеры отношения к неравенствам. Могут использоваться оценки их глубины, их приемлемость, интенсивность запроса на перераспределение — от прямой оценки необходимости перераспределения до голосования за те или иные партии — и другие индикаторы [Graham, Pettinato, 1999; Tóth, 2008; Gimpelson, Monusova, 2014; Larsen, 2016]. Исследования подтвердили, что анализ искомой связи обогащается использованием субъективных показателей как в отношении мобильности, так и в отношении неравенства [Kuhn, 2011; Gimpelson, Treisman, 2018]. Однако и при объективных, и при субъективных оценках речь чаще всего идет именно о доходном неравенстве, в то время как немонетарные неравенства остаются за рамками рассмотрения, хотя в работах зарубежных и российских специалистов все чаще подчеркивается, что для интегрального положения индивида в общем социальном пространстве они играют не меньшее, а возможно и большее значение, определяя качество жизни, доступные возможности и характеризующие его жизненную ситуацию риски [Grusky, 2011; Овчарова и др., 2014; Anikin et al., 2017].

Взаимосвязь запроса на перераспределение и ожидаемой мобильности проверялась и для России [Ravallion, Lokshin, 2000]. На данных 1996 г. Равальон и Локшин показали, что на тот момент неблагополучное население было гомогенно в своем высоком запросе, но среди благополучного населения ситуация была неоднородной и зависела от ожиданий будущей динамики собственного положения, демонстрируя наличие «туннельного эффекта».

Однако с тех пор социально-экономическая ситуация в российском обществе заметно изменилась. Рост доходов и уровня жизни, расширение среднего класса и сокращение бедности повлияли на социально-экономический ландшафт страны. Что же при этом произошло с восприятием неравенства и сохранилась ли его взаимосвязь с социальной мобильностью? Ответу на эти вопросы посвящен наш дальнейший эмпирический анализ. Сначала мы обратимся к проблематике доходного неравенства, которое традиционно находится в фокусе внимания подобных исследований, а затем расширим предметное поле исследования, включив в него социальное пространство немонетарных неравенств, важность которых все в большей степени возрастает в современном мире [Sen, 1980].

Объективное доходное неравенство и его восприятие населением

Прежде чем перейти к вопросу субъективного восприятия доходного неравенства населением, кратко охарактеризуем его объективное состояние. Согласно данным официальной статистики, индекс Джини достигал в 2020 г. 40,6, а доли дохода, приходящихся на нижний и верхний доходные квинтили составляли 5,5% и 46,4% соответственно⁵. Эти показатели заметно выше, чем в странах западной Европы, однако ниже, чем в других странах БРИКС или Латинской Америки.

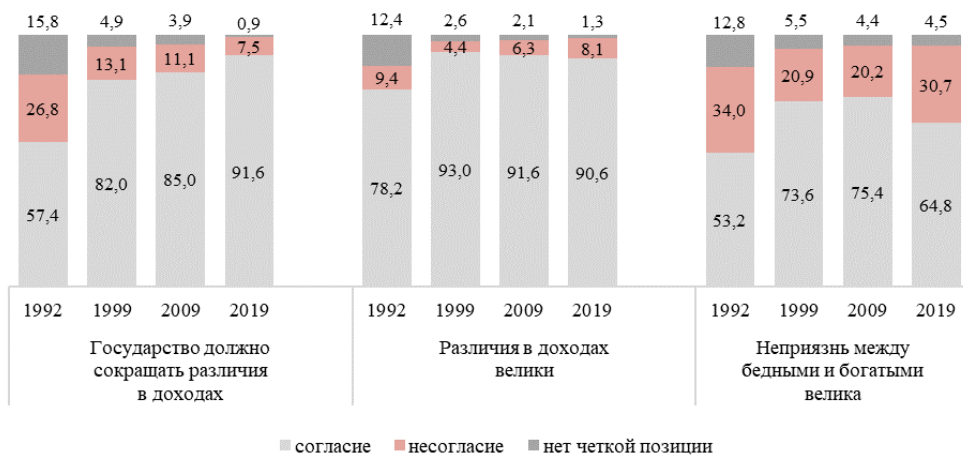
⁵ ФСГС РФ (2021). Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения. <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 05.03.2022).

Сравнительно высокое неравенство массовых слоев населения характеризует российское общество весь пореформенный период развития. Это видно из динамики индекса Джини, который все это время составляет около 40, не демонстрируя значимых изменений (наибольшее снижение произошло в 2019—2020 г., с 41,2 до 40,6)⁶.

Если же оценивать неравенство через показатели концентрации доходов и, еще в большей степени, богатства, то Россия оказывается среди мировых лидеров. 1% наиболее обеспеченных граждан держат в своих руках, согласно различным оценкам, 20—22% доходов и 43—56% богатства [Novokmet, Piketty, Zucman, 2018]⁷. Динамика концентрации не демонстрирует улучшений в этом отношении — наоборот, разрыв «верхушки» и массового населения только нарастает.

Как в этих условиях сегодня выглядит восприятие доходного неравенства населением? Данные показывают, что восприятие неравенства и интенсивность запроса на перераспределение в России остаются схожими с ситуацией двадцатилетней давности. В 1900-е годы проблема доходных неравенств достаточно заметно актуализировалась в общественном сознании, но дальнейшие изменения социально-экономического контекста уже не приводили к каким-либо масштабным смещениям в этом отношении (см. рис. 1).

Рис. 1. Динамика восприятия доходного неравенства в общественном сознании россиян, ISSP, 1992—2019 гг., %

Подавляющее большинство респондентов (более 90%) считают существующие неравенства в доходах слишком большими; схожая доля опрошенных предъявляет запрос на их сокращение государству. При этом важно, что существующее неравенство воспринимается в общественном сознании не только как излишне

⁶ ФСГС РФ (2021). Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения. <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 05.03.2022).

⁷ См. также: Credit Suisse (2019) Global Wealth Report. Credit Suisse Group AG. Switzerland.

высокое, но и как несправедливое — более 90% россиян характеризовало его в 2019 г. именно так.

Отметим, что по мере пореформенного развития России убеждения россиян в отношении доходного неравенства укрепляются. Численность россиян, не имеющих четкой позиции в отношении оценки степени неравенства в обществе, остроты конфликта бедных и богатых, а также роли государства в решении этих проблем, заметно снизилась в 1990-е годы. В новых турбулентных условиях начала 1990-х годов население еще не могло окончательно определиться с «правилами игры» в отношении неравенств и их оценки. Однако по мере стабилизации новых институциональных условий сформировалось и более четкое понимание неравенства в общественном сознании, отразившееся в большей поляризации мнений за счет снижения количества не ответивших.

Некоторые изменения произошли и в оценке конфликта между бедными и богатыми. По сравнению с 1990-ми годами острота его восприятия населением несколько снизилась. Однако этот конфликт все еще остается актуальным — две трети россиян отмечают существующую в обществе неприязнь между полярными группами — и опережает по своей значимости даже традиционные классовые конфликты между работниками и работодателями или рабочим и средним классом.

Данные последней волны ISSP⁸ показывают, что такое восприятие доходного неравенства помещает Россию в число мировых лидеров в этом отношении. По общей доле тех, кто считает доходное неравенство в своей стране высоким, то есть абсолютно и скорее согласных с таким утверждением, Россия разделяет 4—5 позиции с Германией, пропуская вперед Италию, Таиланд и Хорватию из 15 стран выборки. Если же выделить только тех, кто твердо в этом убежден, то разрыв между Россией и другими странами становится значительно более выраженным — так, 73,2% россиян абсолютно согласны с тем, что различия в доходах в их стране слишком велики, тогда как среди немцев доля дающих этот ответ составляет только 50,5%. Таким образом, россияне демонстрируют наибольшую степень критичности в восприятии проблемы неравенства даже с учетом того, что сейчас этот вопрос чрезвычайно актуализирован в общественном сознании населения всех стран мира (в том числе потому, что соответствующая тематика очень активно обсуждается в последние годы и прочно входит в глобальную и национальные повестки).

Россия также является одним из лидеров по запросам на перераспределение, адресованным государству. В доступной на момент написания статьи выборке ISSP наша страна занимала лидирующую позицию по доле согласных (в том числе абсолютно) с тем, что разрывы в доходах должны быть сокращены усилиями государства. Это еще в большей степени отличает Россию от других стран. При этом по уровню недовольства тем, как справляется сегодня государство с этим вызовом, страна также оказывается наверху общего списка (см. рис. 2).

Важно, что такие представления о доходном неравенстве в российском обществе оказываются универсальными для всего населения и практически не дифференцируются в зависимости от уровня доходов россиян или их человеческого

⁸ К сожалению, на момент подготовки статьи данные волны ISSP за 2019 г. были доступны только по пятнадцати странам — к ним мы и обращаемся в своем анализе.

капитала (см. табл. 1). Даже наиболее благополучные — высокообразованные и высокодоходные россияне — в подавляющем большинстве воспринимают доходные неравенства как излишне высокие и несправедливые, а конфликт между бедными и богатыми как наиболее острый. Они, как и менее благополучные жители страны, считают, что эту проблему должно решать государство, которое сегодня с этим не справляется. Отметим, что более высокий уровень образования связан даже с более острым восприятием конфликта богатых и бедных, что подчеркивает проблему легитимности доходных неравенств в общественном сознании.

Рис. 2. Восприятие доходных неравенств и роли государства в их сокращении в разных странах, ISSP, 2019 г., %

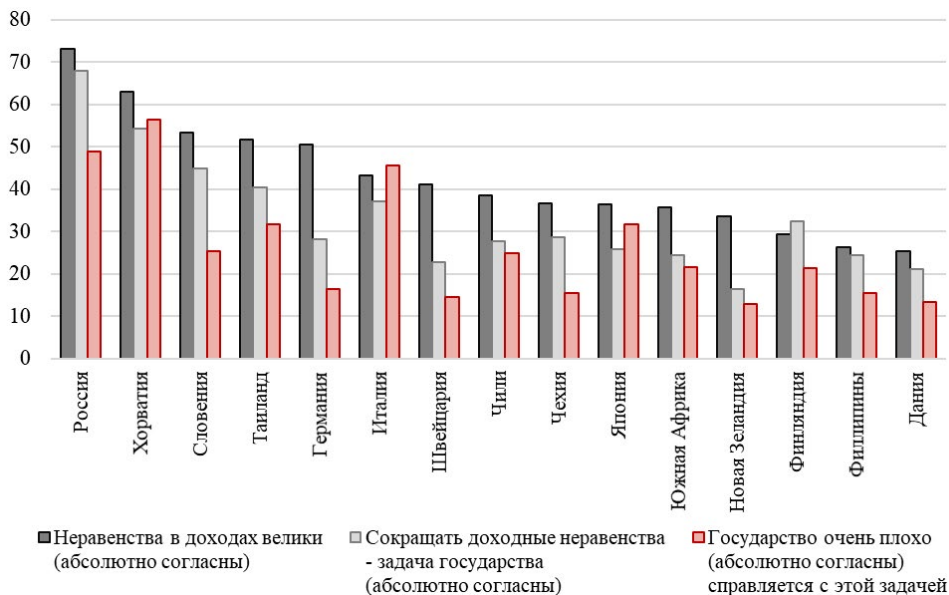

Таблица 1. Восприятие неравенства в группах с различным уровнем человеческого капитала и доходов, ISSP, 2019 г., %⁹

Доля согласных с утверждениями	Уровень образования			
	Обще среднее или ниже	Среднее специальное, незаконченное высшее	Высшее	Второе высшее, научная степень и пр.
Различия в доходах в России сейчас слишком велики	90,1	91,1	94,9	91,3
Существующее распределение доходов в России несправедливо	93,0	95,2	94,6	91,3
Неприязнь между бедными и богатыми велика	62,0	68,3	72,3	73,8

⁹ В таблице не представлены те, кто не дал ответа. Доля неответивших не превышает 5,7% по подгруппам.

Доля согласных с утверждениями	Уровень образования			
	Общее среднее или ниже	Среднее специальное, незаконченное высшее	Высшее	Второе высшее, научная степень и пр.
Государство должно уменьшать различия в доходах между теми, у кого низкие и у кого высокие доходы	93,8	91,7	92,8	91,1
Государство не проявляет успеха в сокращении различий в доходах	80,6	82,7	82,7	76,6
	Доходная группа ¹⁰			
	< 0,75 Ме	0,75—1,25 Ме	1,25—2,00 Ме	>2,00 Ме
Различия в доходах в России сейчас слишком велики	88,6	94,4	94,0	88,8
Существующее распределение доходов в России несправедливо	95,2	95,3	94,3	91,4
Неприязнь между бедными и богатыми велика	62,8	69,6	71,7	69,9
Государство должно уменьшать различия в доходах между теми, у кого низкие и у кого высокие доходы	92,4	95,0	93,0	86,0
Государство не проявляет успеха в сокращении различий в доходах	80,6	84,2	83,3	79,2

Социальная мобильность как фактор дифференциации отношения к доходному неравенству

Работает ли в качестве дифференцирующего фактора восприятия доходного неравенства опыт или ожидания социальной мобильности? Опираясь на опыт предшествующих исследований, продемонстрировавших значимость субъективных показателей, мы обращаемся к субъективным индикаторам мобильности. Для оценки мобильности мы опираемся на вопрос о самооценке положения респондентов на социальной лестнице на момент опроса и 5 лет назад, а также на оценку ожидаемого положения через 10 лет. Мы используем укрупненные интервалы десятибалльной шкалы (с 1 по 3 позицию — «низкое положение», с 4 по 6 позицию — «срединное положение», с 7 по 10 позицию — «высокое положение»). Такое обобщение самооценок соответствует современным практикам, принятым в зарубежной литературе [Lei, Tam, 2012]. Под мобильностью мы понимаем переход из одного положения в другое (под восходящей мобильностью подразумевается переход из низкого положения в среднее / высокое или же из среднего — в высокое; под нисходящей — переход из высокого положения в среднее / низкое или из среднего в низкое).

Мы также используем прокси для краткосрочной ожидаемой мобильности, опираясь на вопрос о том, какое материальное положение ожидается в ближайшие 12 месяцев, повторяя подход Равальона и Локшина. Направления различных типов мобильности в их субъективном измерении представлены в таблице 2.

¹⁰ Доходные группы выделены на основании соотношения ежемесячного подушевого дохода в домохозяйстве с медианным значением (Ме) для данного типа поселения (крупные города / мелкие города / села).

Таблица 2. Распространенность различных направлений мобильности в России, ISSP, 2019 г., %

Типы мобильности	Направления мобильности			
	Нисходящая мобильность	Иммобильность	Восходящая мобильность	
Межгенерационная в 2019 (vs 2009) ¹¹	24,8 (vs 25,0)	64,6 (vs 62,2)	10,0 (vs 12,3)	
Фактическая за последние 5 лет	21,8	69,6	7,9	
Ожидаемая в следующие 12 месяцев (краткосрочная)	51,6	36,1	7,7	
Ожидаемая в следующие 10 лет (долгосрочная)	9,9	64,3	23,0	
Справочно: самооценка положения в обществе (размеры кластеров)				
	Положение родительской семьи индивида	Пять лет назад (2014 г., до начала кризиса)	На момент опроса (2019 г.)	Через 10 лет (2029 г.)
Высокое (7—10 позиции)	18,1	15,8	8,5	24,5
Серединное (4—6 позиции)	59,0	61,4	60,0	43,1
Низкое (1—3 позиции)	22,9	22,8	31,5	32,4

Видно, что и в межгенерационном, и во внутригенерационном разрезах доминирует иммобильность. Около двух третей россиян не видят качественных изменений своего положения ни по отношению к родительской семье, ни по сравнению со своим собственным положением пятилетней давности. При этом среди мобильного населения нисходящая мобильность доминирует над восходящей, и ее масштабы достаточно велики — около четверти населения отмечают ухудшение своего положения по сравнению с родительской семьей и каждый пятый — по сравнению со своим собственным положением пять лет назад. Поэтому, оценивая мобильность, россияне могут наблюдать преобладание нисходящих жизненных траекторий вокруг них по сравнению с восходящими. Важно также отметить, что масштабы межгенерационной мобильности не изменились по сравнению с 2009 г. — россияне не отмечают расширения возможностей для качественного изменения своего положения по сравнению с предыдущим поколением.

В отношении ожидаемой мобильности ситуация, на первый взгляд, выглядит парадоксально. С одной стороны, преобладают ожидания ухудшения собственного материального положения в следующие 12 месяцев (так считает половина россиян)¹². С другой стороны, ожидания изменений в среднесрочной перспективе

¹¹ таблице представлены оценки межгенерационной мобильности, однако далее мы сознательно обращаемся только к внутригенерационной мобильности для сравнения эффектов ее различных типов.

¹² азные исследовательские центры дают несколько различающиеся оценки краткосрочных ожиданий россиян, но группа «пессимистов» всегда остается достаточно значительной по численности. Так, по данным ФНИСЦ РАН 2020 г., к которым мы обращаемся ниже, ухудшения своего материального положения в ближайший год ожидала треть населения (32,8%). В целом, негативные ожидания населения еще в 2019 г. были вполне объяснимы с учетом затяжного падения реальных доходов населения в 2014—2017 и их стагнации в 2018 г.

достаточно позитивны. Практически две трети россиян считают, что через 10 лет будут жить не хуже, чем сегодня, а каждый четвертый считает, что его положение в обществе даже повысится.

Таким образом, *несмотря на прошлый опыт и пессимистическую оценку ближайших перспектив, россияне склонны верить в лучшее, но только в отдаленном будущем*. Мы расцениваем оценку ближайшей перспективы как более реалистичную, так как данные свидетельствуют, что большинство россиян не планирует свою жизнь даже в среднесрочной перспективе. Судя по данным ISSP, лишь 5 % населения имеет хоть какие-то планы на 5—10 лет, не говоря уже о более длительных сроках. Половина же населения считает, что планировать свою жизнь даже на 1—2 года вперед в принципе невозможно. Поэтому такие оценки перспектив мобильности можно считать скорее проявлением общего оптимизма и «верой в светлое будущее», нежели реалистичными оценками своих будущих траекторий.

Обратимся к данным о том, как дифференцируется восприятие доходного неравенства и запрос на перераспределение в зависимости от фактической и ожидаемой социальной мобильности (см. табл. 3). Данные свидетельствуют, что заметное влияние в этом отношении имеют только краткосрочные ожидания относительно изменения своего положения в ближайший год. Среди россиян, ожидающих позитивных изменений, ниже доли оценивающих неравенство доходов как излишне высокое и несправедливое (хотя даже среди них поддержка этих позиций не опускается ниже 80 %), а также воспринимающих конфликт бедных и богатых как острый и предъявляющих запрос государству на сокращение неравенства. Несколько ниже среди них и уровень недовольства в отношении того, как государство отвечает на вызов доходного неравенства. Отметим, однако, что даже эти, наиболее заметные различия между группами с разными направлениями мобильности, не означают формирования среди ожидающих для себя краткосрочных улучшений качественно иной модели восприятия доходного неравенства по сравнению с остальным населением: подавляющее большинство представителей этой группы считает неравенство доходов высоким и несправедливым и предъявляет выраженный запрос на его сокращение. Ожидаемая мобильность в среднесрочной перспективе, как показывают приведенные в таблице 3 данные, дифференцирует мнения в отношении доходного неравенства слабее, а различия в разрезе фактической мобильности оказываются минимальными.

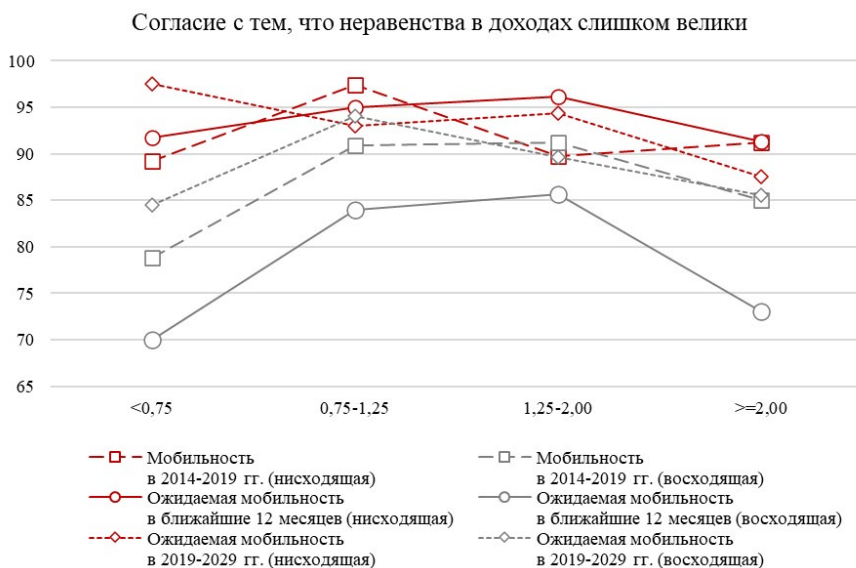
Полученный вывод о том, что краткосрочные ожидания дифференцируют восприятие неравенства и запрос на его сокращение сильнее, подтверждается и анализом меры связанности. Ожидания «на будущее» демонстрируют значимую, но при этом очень слабую связь с восприятием доходного неравенства, в то время как фактическая мобильность вообще не связана с ним.

Для оценки эффектов мобильности имеет смысл также рассмотреть их отдельно в разных доходных группах. Так, в работе И. Тота (Tóth, 2008) на венгерских данных было показано, что в разных доходных группах уровень запроса на перераспределение ожидаемо отличался (более высокий уровень дохода снижал его интенсивность), однако в рамках одних и тех же доходных групп его чаще предъявляли те, кто испытал нисходящую мобильность, а также те, кто не ожидал улучшений в будущем. Проверим, повторяется ли такая картина и для России (см. рис. 3).

**Таблица 3. Доля россиян, согласных с суждениями относительно доходных неравенств и роли государства в их сокращении, ISSP, 2019 г., %
(фоном выделены статистически значимые связи на основе критерия χ^2)**

	Фактическая мобильность 2014—2019		Ожидаемая мобильность в следующем году		Ожидаемая мобильность в следующие 10 лет	
	Нисходящая	Восходящая	Нисходящая	Восходящая	Нисходящая	Восходящая
Различия в доходах слишком велики	92,7	89,5	94,2	79,2	95,0	89,0
Распределение доходов несправедливо	93,7	89,4	98,3	80,7	96,9	92,1
Острый конфликт между бедными и богатыми	72,3	68,9	72,5	58,3	77,6	64,9
Государство должно сокращать разрыв между бедными и богатыми	94,0	92,9	96,4	80,6	95,6	88,9
Государство не справляется с сокращением неравенства	82,8	75,2	86,6	71,0	83,0	75,0

Рис. 3. Отношение к неравенству в различных доходных группах в зависимости от опыта и ожиданий мобильности, ISSP, 2019 г., %

Видно, что выраженные различия в восприятии глубины неравенства доходов в рамках отдельных доходных групп с учетом мобильности в современной России также отсутствуют — ни в одной доходной группе при любой динамике фактической и ожидаемой мобильности доля считающих неравенства доходов излишне высокими не опускается ниже 70%. Наибольший эффект в дифференциации этого отношения в рамках отдельных доходных групп также имеет ожидаемая краткосрочная мобильность: позитивные ожидания связаны с более низкой распространённостью оценок доходного неравенства как излишне высокого. Эффекты фактической мобильности и ожидаемой мобильности в более длительной перспективе выражены во всех доходных группах заметно слабее, а в некоторых их эффект вообще отсутствует.

Выше, говоря об отношении к доходному неравенству и его сокращению, мы рассматривали тех россиян, кто разделяет соответствующие позиции независимо от степени уверенности в них (то есть объединяя тех, кто абсолютно согласен с теми или иными утверждениями, и тех, кто скорее согласен с ними). Иными словами, мы рассматривали дифференцирующую роль разных типов мобильности в отношении формирования качественно отличных между собой моделей представлений о доходном неравенстве и выявили ключевое значение краткосрочных ожиданий, очень слабое влияние среднесрочных ожиданий мобильности и отсутствие влияния фактически совершенных перемещений.

Однако необходимо отметить, что разные направления ожидаемой мобильности (причем как в ближайшей, так и в среднесрочной перспективе) и даже фактической мобильности влияют на степень убежденности в своей позиции по тем или иным аспектам доходного неравенства. Каждый из трех типов нисходящей мобильности повышает абсолютную уверенность в излишней глубине и несправедливости неравенств (при более низкой доле тех, кто с этим согласен, но не занимает крайних позиций) по сравнению с восходящей мобильностью. Такие же особенности можно увидеть и в отношении представлений населения о роли государства: нисходящая мобильность повышает долю абсолютно убежденных в ответственности, лежащей на государстве в отношении сокращения разрыва в доходах, и при этом полностью уверенных в безуспешности его действий в этом отношении. Восходящая мобильность несколько сглаживает эти представления за счет перераспределения мнений от крайних к умеренным, то есть от абсолютного согласия просто к согласию. Такой механизм *снижения «накала»* можно наблюдать для всех трех типов рассматриваемой нами мобильности. Как и в случае с восприятием доходного неравенства в целом, наиболее заметно проявляет себя ожидаемая мобильность в ближайшее время, эффект ожидаемой долгосрочной мобильности оказывается ниже, и в наименьшей степени наблюдается влияние фактической мобильности, хотя и она все же определяет большую или меньшую «полярность» выражаемых мнений.

Таким образом, *опыт прошлой мобильности не оказывает влияния на общие представления населения о доходных неравенствах. Влияние будущей долгосрочной мобильности слабое, и только краткосрочные ожидания демонстрируют дифференцирующую роль в этом отношении, хотя даже они не приводят к формированию иных моделей восприятия доходного неравенства — население солидарно*

в своих оценках глубины и несправедливости доходных неравенств и необходимости их сокращения государством, с чем оно, согласно общественным представлениям, сегодня не справляется. При этом все виды мобильности влияют на степень выраженности соответствующего мнения — нисходящая мобильность повышает убежденность и категоричность выражаемых позиций, в то время как восходящая, наоборот, сглаживает их. Здесь наибольшую роль также играют краткосрочные ожидания.

Восприятие немонетарных неравенств и социальная мобильность

Проблема неравенства не ограничивается различиями в уровне доходов, и рассмотрение только монетарного аспекта не дает понимания общей, гораздо более сложной картины. В данном разделе мы предпримем первые шаги в анализе восприятия системы немонетарных неравенств населением и факторов этого восприятия, в том числе и социальной мобильности.

Данные проведенного в 2020 г. общероссийского обследования ФНИСЦ РАН подтверждают, что острое восприятие социального неравенства россиянами не ограничивается проблемой неравенства доходов, хотя оно и актуализировано в наибольшей степени — о том, что оно является наиболее болезненным лично для них, сообщили две трети опрошенных (67,2%). Далее следовало важное в условиях пандемии неравенство в доступе к медицинской помощи, негативные последствия которого, по самооценкам, испытывали 46,2% населения. На третьем месте — неравенство на рынке труда, от которого страдали, по их заверениям, более трети респондентов (35,6%). Остальные типы неденежных неравенств набрали менее трети голосов, но и они проявляли себя достаточно остро: так, чуть менее трети населения отметили как наиболее болезненное для себя неравенство жилищных условий, около четверти — неравенство жизненных шансов для детей из разных слоев общества, каждый пятый опрошенный — неравенство в обладании собственностью и неравенство в доступе к образованию, а также неравенство в возможностях отдыха и проведения досуга. Таким образом, проблема неравенства не может быть сведена к различиям в уровне доходов.

Инструментарий используемого исследования позволил операционализировать краткосрочную ожидаемую мобильность через ожидания в изменении своего материального положения в ближайшие 12 месяцев¹³. В качестве прокси для фактической краткосрочной мобильности мы использовали самооценку того, удалось ли респондентам за последние три года повысить уровень своего материального положения¹⁴.

¹³ Полученные в этом отношении данные, как уже отмечалось выше, несколько отличались от данных ISSP. Так, ухудшения своего материального положения ожидала треть населения (32,8%), улучшения — 24,4%, а отсутствия изменений — 42,8% (то есть оценки оказались более оптимистичными, однако изменение численности групп не влияет на ход анализа оценки мобильности как фактора восприятия неравенства). Отметим также высокую долю затруднившихся с ответом: почти каждый пятый после первой волны коронакризиса не смог дать ответ относительно своих ожиданий даже на ближайший год, что свидетельствует об очень высокой степени неопределенности в обществе.

¹⁴ Таковых в 2020 г., согласно данным обследования, оказалось 16,8%. Отметим, что одно из ограничений нашего анализа состоит в том, что в данном случае показатели мобильности смещены в сторону материального положения, а не интегральной позиции в обществе.

Из табл. 4 видно, что *ожидаемая мобильность связана с оценкой того, насколько болезненны те или иные немонетарные неравенства для респондента*. Те, кто ожидают ухудшения своего положения в ближайший год, чаще остальных отмечают, что страдают от неравенства в доступе к медицине и рынку труда, неравенства жилищных условий и неравенства возможностей в межпоколенной перспективе. В то же время те, кто ожидают улучшения своего положения в следующем году, значительно реже отмечают все эти неравенства как влияющие на их личную жизненную ситуацию. В целом, лишь 3,0% респондентов из группы с ожидаемой нисходящей мобильностью в краткосрочной перспективе говорят о том, что не страдают ни от каких неравенств, в то время как в группе с ожидаемой восходящей мобильностью таковых в пять раз больше.

Таблица 4. *Доля лично страдающих от разных типов неравенств, ФНИСЦ РАН, 2020 г., %¹⁵ (фоном выделены статистически значимые связи на основе критерия Х²)*

Типы неравенства	Ожидаемая мобильность		Фактическая восходящая мобильность	Справочно: все население
	Нисходящая	Восходящая		
Неравенство доходов	78,6	53,3	59,2	67,2
Неравенство в доступе к медицинской помощи	57,6	32,8	42,6	46,2
Неравенство в доступе к хорошим рабочим местам	44,3	29,2	33,1	38,1
Неравенство жилищных условий	40,0	26,3	32,4	32,3
Неравенство в возможностях для детей из разных слоев общества	30,4	22,2	26,5	25,9
Нет болезненных для них неравенств	3,0	15,9	16,4	9,6

Что касается фактической восходящей мобильности за последние три года, то ее влияние заметно только в отношении неравенства доходов — те, кому удалось улучшить свое материальное положение, реже отмечают его как болезненное для себя (и эта взаимосвязь статистически значима). Однако испытанное улучшение своего материального положения не снижает негативных последствий от ключевых неденежных неравенств, характеризующих повседневную жизнь. Это лишний раз подтверждает, что ответы на вызов неравенства лежат не только в плоскости доходов и требуют комплексного подхода.

Подчеркнем, однако, что описанные выше результаты относятся не к нормативному восприятию неравенств, а к оценке собственного положения в многомерном социальном пространстве. Взаимосвязь ожидаемой мобильности и оценки болезненности немонетарных неравенств «для себя» (а не для общества в целом) объ-

¹⁵ В таблице представлены ответы по пяти наиболее острым, по оценкам населения, неравенствам. Оценка неравенства в доступе к рабочим местам представлена только для работающих.

ясняется тем, что позитивные ожидания относительно динамики своего положения в большей степени характерны для тех, кто изначально находится в объективно более привилегированных позициях в общей системе неравенств. Отметим, кстати, что в этих условиях возможность планировать и контролировать свою жизнь и добиваться качественных улучшений в ней сама по себе становится новым измерением немонетарного неравенства, требующим внимательного изучения.

Однако ключевой фокус нашей статьи — это восприятие неравенств в обществе в целом. В связи с этим для нас очень важны нормативные представления россиян о принципах справедливого общества, связанных с теми или иными неравенствами. Как видно из табл. 5, в представлениях населения наиболее важным критерием справедливости (в силу высокой актуализированности этой проблемы, особенно в условиях, сложившихся под влиянием пандемии) выступает отсутствие неравенства в доступе к медицинскому обслуживанию — об этом говорят 62,5% населения. На втором месте находится равенство всех перед законом: этот принцип как ключевой для справедливого общества отмечает половина респондентов. Близко к этому показателю находится и принцип, связанный с отсутствием неравенства на рынке труда — равный доступ для всех к хорошим рабочим местам (его выбирают 48,1% россиян). Достаточно важны для справедливого общества, в представлениях россиян, и такие принципы, как равный доступ для всех к образованию (41,2%), возможности решения жилищного вопроса (36,5%).

Важно, что менее трети россиян считает обязательным элементом справедливого общества небольшие различия в доходах, что говорит о *достаточно высокой толерантности россиян к доходным неравенствам как таковым, если они возникают в условиях равных возможностей* — равного доступа к медицине, рынку труда и образованию. Об этом же говорит и отсутствие на верхних позициях рейтинга принципов справедливости прогрессивной шкалы налогообложения как механизма перераспределения — ее отмечает только четверть респондентов. Наконец, лишь каждый десятый говорит о том, что справедливое общество — это общество, в котором мало богатых.

Таким образом, речь для населения идет не об отсутствии в справедливом обществе доходной дифференциации, а о минимизации в нем неравенства возможностей. Важно подчеркнуть, что *ключевыми для справедливого общества в представлениях населения оказываются принципы, связанные с немонетарными, а не денежными аспектами неравенства.*

В совокупности с теми особенностями восприятия доходного неравенства, о которых мы говорили выше, это свидетельствует о том, что сложившаяся в российском обществе ситуация не отвечает нормативным принципам справедливости в представлениях населения и не обеспечивает требуемое равенство возможностей, что, в свою очередь, актуализирует проблему доходного неравенства и его легитимности.

Работает ли социальная мобильность как фактор дифференциации нормативных представлений населения о немонетарных неравенствах? Данные показывают, что и в этом отношении ее роль оказывается достаточно ограничена (табл. 5). Рейтинг принципов справедливого общества оказывается схож для ожидающих для себя как нисходящую, так и восходящую мобильность (можно обнаружить

лишь некоторые перестановки), и возглавляет его необходимость минимизации немонетарных неравенств, связанных с медициной и законом.

Таблица 5. Принципы справедливого общества в представлениях населения, ФНИСЦ РАН, 2020 г., % (упорядочено по населению в целом; жирным шрифтом выделены принципы, связанные с доходным неравенством; фоном выделены статистически значимые связи на основе критерия χ^2)

Принципы	Ожидаемая мобильность		Фактическая восходящая мобильность	Справочно: все население
	Нисходящая	Восходящая		
Все имеют равный доступ к медицинскому обслуживанию	61,4	61,4	61,0	62,5
Равенство всех перед законом	49,3	52,8	52,4	50,8
Все имеют равный доступ к хорошим рабочим местам	45,4	44,7	50,6	48,1
Все имеют равные возможности получить желаемое образование	36,6	48,0	44,3	41,2
В обществе мало бедных	34,1	40,9	32,7	39,2
Все имеют реальную возможность решить жилищный вопрос	34,9	32,6	42,9	36,5
Различия в доходах между людьми невелики	40,2	32,3	28,9	32,6
Различия в уровне жизни между людьми невелики	30,4	30,3	25,9	28,3
Богатые выплачивают в виде налога большую долю своего дохода, чем бедные	31,3	22,0	25,6	25,4
Равная оплата за равную квалификацию и образование	26,1	19,9	22,3	23,6
Различия между жизнью в городе и селе невелики	19,3	21,0	16,4	20,3
В обществе мало богатых	11,3	12,1	11,0	10,4

Можно отметить определенные различия между этими группами, хотя они носят количественный, а не качественный характер. Так, для ожидающих нисходящую мобильность в краткосрочной перспективе в большей степени актуализированы вопросы доходного неравенства (что неудивительно с учетом результатов, представленных выше) — причем в разных его аспектах. Говоря о справедливом обществе, они значимо чаще упоминают невысокий уровень доходного неравенства, а также перераспределение от богатых к бедным с использованием инструментов налоговой политики как справедливый способ его сокращения.

Среди тех, кто декларирует ожидания восходящей мобильности, значимо выше доля уделяющих внимание равенству в доступе к образованию как социальному лифту, обеспечивающему равенство возможностей. Интересно, что низкий уро-

вень бедности также чаще называют в качестве элемента справедливого общества именно они. Это еще раз подчеркивает, что, говоря о неравенствах в обществе в целом, россияне исходят не только и не столько из специфики своей личной ситуации, сколько из нормативных представлений о справедливом общественном устройстве и его соответствия наблюдаемым реалиям.

Влияние фактической мобильности оказалось неоднозначным. Те, кто испытал улучшение своего положения за последние три года, в ряде случаев оказываются даже более требовательны к сокращению немонетарных неравенств (например, в доступе к образованию, занятости, жилью), но менее требовательны к его монетарным аспектам. Однако эти различия недостаточно велики (и в большинстве своем статистически незначимы), чтобы говорить о другой нормативной модели этой группы в отношении системы неравенств — по общему рейтингу необходимости отсутствия тех или иных неравенств для достижения социальной справедливости в обществе они практически не отличаются от населения в целом.

Обсуждение результатов

Качественные социально-экономические изменения в России в последние десятилетия не сократили масштабы неравенства доходов, измеренного коэффициентом Джини, но характер доходного неравенства все же трансформировался. Изменились масштабы бедности и размер среднего класса, уровень и качество жизни населения, причем прошло несколько волн таких изменений. Однако субъективное восприятие доходного неравенства остается почти таким же, как в 1990-х годах — ситуации, отражающей совсем другой этап развития страны. Большинство россиян и сегодня продолжают считать неравенства доходов излишне высокими и несправедливыми, а противоречия между богатыми и бедными воспринимают как наиболее острые. Запрос на перераспределение также предъявляется большинством представителей всех социальных групп. Этот запрос адресован государству, которое сегодня, по оценкам россиян, не справляется с вызовом неравенства.

На фоне других стран Россия занимает лидирующие позиции в оценке доходного неравенства в стране как высокого, и особенно — по степени убежденности в этом населения. В отношении запроса к государству на сокращение доходного неравенства и уверенности в его неэффективности в этом отношении лидирующие позиции нашей страны просматриваются даже еще ярче.

Такие представления о неравенстве доходов и запрос на перераспределение оказываются универсальными для всего населения. Эффект мобильности проявляется достаточно ограниченно — единственное зафиксированное различие между группами состоит в том, что ожидающие улучшения своего материального положения в ближайшее время респонденты чуть менее остро воспринимают доходное неравенство и менее категорично артикулируют запрос на перераспределение. Ни опыт прошлой мобильности, ни ожидания изменений в среднесрочном периоде не оказывают сопоставимого дифференцирующего влияния на восприятие доходного неравенства.

При этом все виды восходящей мобильности сглаживают крайность позиции в отношении оценки неравенств как высоких, несправедливых, требующих сокра-

щения со стороны государства, а все виды нисходящей мобильности — повышают абсолютную уверенность в этом; наибольший эффект и в этом отношении имеет краткосрочная ожидаемая мобильность. Однако эти изменения в соотношении долей крайних и умеренных сторонников тех или иных позиций не влияют на общий консенсус населения.

Ожидаемая краткосрочная мобильность коррелирует с оценкой болезненности восприятия немонетарных неравенств для самих респондентов. Это объясняется тем, что положительная социальная динамика свойственна россиянам, которые уже занимают более благополучное положение в социальном пространстве. Однако нормативные представления о том, минимизация каких немонетарных неравенств необходима для достижения социальной справедливости, оказываются не сильно дифференцированы в группах с разным направлением ожидаемой или уже совершенной краткосрочной мобильности. Это позволяет сделать вывод о том, что восприятие немонетарных неравенств, как и доходного неравенства, формируется прежде всего исходя из нормативных представлений о «должном» устройстве общества и его соответствии/несоответствии наблюдаемым реалиям, а не индивидуальной ситуации, в том числе и ожидаемой мобильности. Сохраняющийся отрыв наиболее обеспеченных групп от остального населения, отсутствие зоны стабильного и устойчивого благополучия и сокращение возможностей роста в разных сферах приводят к тому, что даже опыт или ожидания мобильности не меняют общих представлений о неприемлемости подобной ситуации, поскольку изменение собственного положения или положения окружающих не меняет общую конфигурацию сложившейся системы монетарного и немонетарных неравенств. К сожалению, это еще в большей степени усложняет задачу ответа на вызов неравенства для государства, поскольку он не только требует обязательного учета немонетарных аспектов, но и не может быть решен повышением уровня доходов тех или иных групп.

Список литературы (References)

Гимпельсон В. Е., Монусова Г. А. Восприятие неравенства и социальная мобильность // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 18. № 2. С. 216—248.

Gimpelson V., Monusova G. (2014) Perception of Inequality and Social Mobility. *HSE Economic Journal*. Vol. 18. No. 2. P. 216—248. (In Russ.)

Гимпельсон В. Е., Чернина Е. М. Положение на шкале доходов и его субъективное восприятие // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. Т. 46. № 2. С. 30—56. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-46-2-2>.

Gimpelson V., Chernina E. (2020) How We Perceive Our Place in Income Distribution and How the Perceptions Deviate from Reality. *Journal of the New Economic Association*. Vol. 46. No. 2. P. 30—56. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-46-2-2>. (In Russ.)

Овчарова Л. Н., Бурдяк А. Я., Пишняк А. И., Попова Д. О., Попова Р. И., Рудберг А. М. Динамика монетарных и немонетарных характеристик уровня жизни российских

домохозяйств за годы постсоветского развития: аналитический доклад / под рук. Л. Н. Овчаровой. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2014.

Ovcharova L. N., Burdyak A. Ya., Pishnyak A. I., Popova D. O., Popova R. I., Rudberg A. M. (2014) Dynamics of Monetary and Non-monetary Characteristics of the Standard of Living of Russian Households over the Years of Post-soviet Development: Analytical Report. Moscow: «Liberal Mission» Foundation. (In Russ.)

Anikin V., Lezhnina Y., Mareeva S., Tikhonova N. (2017) Social Stratification by Life Chances: Evidence from Russia. Basic Research Program. Working Papers. Series: Sociology. National Research University Higher School of Economics. WP BRP 80/SOC/2017. URL: <https://wp.hse.ru/data/2017/12/25/1159823949/80SOC2017.pdf> (дата обращения: 18.05.2021).

Benabou R., Ok E. (2001) Social Mobility and the Demand for Redistribution: The POUM Hypothesis. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 116. No. 2. P. 447—487.

Gimpelson V., Treisman D. (2018) Misperceiving Inequality. *Economics & Politics*. Vol. 30. No. 1. P. 27—54. <https://doi.org/10.1111/ecpo.12103>.

Graham C., Pettinato S. (1999) Assessing Hardship and Happiness: Trends in Mobility and Expectations in the New Market Economies. Working Paper No. 7. Center on Social and Economic Dynamics. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/happiness.pdf> (дата обращения: 18.05.2021).

Grusky D. (2011) The Stories About Inequality That We Love to Tell. In: Grusky D. B., Szélenyi S. (eds.) *The Inequality Reader. Contemporary and Foundational Readings in Race, Class, and Gender*. Boulder, CO: Westview Press. P. 1—13. <https://doi.org/10.4324/9780429494468>.

Hirschman A., Rothschild M. (1973) The Changing Tolerance for Income Inequality in the Course of Economic Development. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 87. No. 4. P. 544—566.

Kuhn A. (2011) In the Eye of the Beholder: Subjective Inequality Measures and Individuals' Assessment of Market Justice. *European Journal of Political Economy*. Vol. 27. No. 4. P. 625—641.

Larsen C. (2016) How Three Narratives of Modernity Justify Economic Inequality. *Acta Sociologica*. Vol. 59. No. 2. P. 93—111. <https://doi.org/10.1177%2F0001699315622801>.

Lei J., Tam T. (2012) Subjective Social Status, Perceived Social Mobility and Health in China. URL: <https://paa2012.princeton.edu/papers/122792> (дата обращения: 18.05.2021).

Novokmet F., Piketty T., Zucman G. (2018) From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905—2016. *The Journal of Economic Inequality*. No. 16. P. 189—223. <https://doi.org/10.1007/s10888-018-9383-0>.

Ravallion M., Lokshin M. (2000) Who Wants to Redistribute? The Tunnel Effect in 1990s Russia. *Journal of Public Economics*. Vol. 76. No. 1. P. 87—104.

Sen A. (1980) *Equality of What? The Tanner Lecture on Human Values*. Cambridge, MA: Cambridge University Press.

Shorrocks A. (1978) Income Inequality and Income Mobility. *Journal of Economic Theory*. Vol. 19. No. 2. P. 376—393.

Tóth I. (2008) The Demand for Redistribution: A Test on Hungarian Data. *Sociologický časopis / Czech Sociological Review*. Vol. 44. No. 6. P. 1063—1087.